

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Время Эйнштейна и Длительность Бергсона.

Durée et simultanéité. A propos de la théorie d'Einstein. Par Henri Bergson. Paris, F. Alcan, 1922.

В то время как даже у служителей точных наук единство научного сознания начинает разбиваться и уступать место многогранности научного опыта, умѣнно мѣнять и разнообразить способы и пункты наблюденія природы, современная философія въ лицѣ виднѣйшихъ своихъ представителей старается изо всѣхъ силъ спасти если не единство научной концепціи, то хоть единство воспріятія истины. И тутъ нѣтъ большой разницы между логистами и психологистами. Если логистъ «преодолѣваетъ» многообразіе дѣятельности въ процесѣ «идеации», то психологистъ не уступаетъ ему въ рвеніи найти одну истину пріятіемъ «сознанія вообще». Въ этомъ отношеніи особенно поучительна линія философскихъ достижений Бергсона. Въ молодости онъ гениальнымъ прозрѣніемъ пришелъ къ неповторяющемуся непосредственному данному: интимной мелодіи человеческой души. Мастерскимъ анализомъ онъ выявлялъ качественную разницу душевныхъ переживаній глубиннаго «я» въ противоположность къ нивелирующей дѣятельности нашего разума, располагающаго «вещи» въ пространствѣ и подвергающаго ихъ тѣмъ самымъ точному количественному учету. Въ научныхъ концепціяхъ, въ математическихъ «истинахъ» онъ видѣлъ дѣятельность этого разума, устанавливающагося въ атмосферѣ практическаго воздѣйствія на вещи, а въ логическихъ построеніяхъ, понятіяхъ, символахъ-словахъ стремленіе того же несовершеннаго интеллекта дать рѣзко очерченные и поневолѣ грубые контуры «вещамъ» внѣшняго міра въ цѣляхъ извлеченія изъ нихъ практической въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова пользы.

Здѣсь не мѣсто указывать, какъ Бергсонъ постепенно изъ неповторяющихся переживаній интимнаго «я» сдѣлалъ своего рода «сознаніе вообще». Еще больше выраженная сначала съ осторожностью мысль, что, повидимому, и вещи длятся, т. е. выражалась языкомъ «*Essai sur les données immédiates de la conscience*», имѣютъ свою интимную неповторяющуюся мелодію, впоследствии опредѣлила все философское творчество Бергсона. Единство философской концепціи было спасено, но бѣдно интимное «я» было снова принесено въ жертву всеобъемлющей, общеобязательной догмѣ, идеѣ движенія. Здравый смыслъ, повѣйшія «достиженія» науки и даже религіозный опытъ нашли собѣ высшее примиреніе въ принципѣ творческой эволюціи. Единый жизненный порывъ, одно грандіозное душевное прохождение по вещамъ и по живымъ существамъ, встрѣчая, по неслыханнымъ судьбамъ господнимъ, въ первыхъ сопротивленіи и проходя съ тѣмъ большей легкостью по живымъ существамъ, чѣмъ выше сознательная организація даннаго существа. Человѣкъ, и по Бергсону, вѣнецъ творенія. Въ утѣшеніе за «реинтеграцію» въ животное царство онъ получаетъ «жизненный порывъ» (*élan vital*) и надежду проникнуть въ «потустороннее» земными средствами: вѣдь даль же возможность спектральный анализъ проникнуть въ другое, «*au-delà*» — изслѣдовать химическій составъ небесныхъ свѣтилъ безъ необходимости перенестись туда!

Концепція захватывающая, грандіозная! — и такая философія, дѣйствительно, могла бы дать радость, о которой намъ такъ вдохновенно говорилъ на болонскомъ конгрессѣ Бергсонъ, и даже доставить метафизическія утѣшенія, если бы все это величественное зданіе не держалось на зыбкой почвѣ аналогій, на произвольной подмѣнѣ «жизненнаго порыва» (*élan vital*) качественно окрашенных неповторяющихся переживаній интимнаго «я» «жизненнымъ потокомъ» бездушнаго механическаго принципа, движенія «въ себѣ». Видѣтъ ли въ этомъ «слишкомъ человѣческомъ» стремленіи — сдѣлать свою истину истиной не только для всѣхъ людей, но и для всѣхъ міровъ — подъемъ, уклонъ или упадокъ философскаго творчества Бергсона, одно ясно: разъ онъ связалъ судьбы своей философіи съ судьбами и прогрессомъ научнаго знанія, онъ не могъ безразлично отнестись къ теоріи относительности Einstein'a, преворачивающей вверхъ дномъ всѣ наши представленія о природѣ времени и пространства. Эта теорія должна была подвергнуться испытанію *sub specie durationis*, и въ нее были внесены всѣ коррективы, вызванные концепціей чистой длительности въ ея новой эволюціонной фазѣ. Il y a *faits et faits*. Остался чистая длительность тѣмъ прозрѣнимъ, которымъ она была для Бергсона въ молодости, ког-

да имъ писалась книжка «*Essai sur les données immédiates de la conscience*», онъ бы, вѣроятно, не старался съ такой настойчивостью вытравить изъ теоріи Эйнштейна все парадоксальныя элементы, благодаря которымъ она рѣзко порываетъ съ нашими обычными представленіями о времени. Чистая длительность, неповторяющаяся мелодія интимнаго «я» отлично уживается съ многообразіемъ времени и съ относительностью одновременности, — двумя принципами, установленными Эйнштейномъ въ его теоріи относительности. Но если изъ человеческой души сдѣлать *lieu de passage* — русло, по которому проходить жизненный потокъ, уносящій и живыя существа, и вещи, если ее обезличить до «сознанія вообще», то возникаетъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, необходимость придти къ единству воспріятія (*reçu*), единому понятію неизмѣннаго абсолютнаго времени. Этой «реальности» Бергсономъ противопоставляется научная концепція (*conçu*) времени, выливающаяся въ многообразіе математическихъ временъ физическихъ событій. Это многообразіе временъ, наблюдаемыхъ на разныхъ системахъ движенія въ зависимости отъ скорости перемѣщенія ихъ другъ относительно друга, объявляется фикціей, обманомъ перспективы, миражемъ «двойнаго зрѣнія», которому въ дѣйствительности ничего не соответствуетъ.

Но не полагаясь, повидимому, всецѣло на декретирующую силу своей единой «перцепціи», Бергсонъ прибѣгаетъ и къ диалектическимъ приемамъ опроверженія теоріи относительности Эйнштейна. Особенно охотно онъ пользуется тѣмъ способомъ доведенія теоріи до абсурда, который часто примѣнялся противниками теоріи относительности и сводится, по существу, къ произвольной замѣнѣ одной системы движенія другой. Представимъ себѣ двѣ движущіяся другъ относительно друга системы. Согласно принципу относительности одну изъ этихъ системъ А можно принять за условно неподвижную — галилеевскую, а другую В за движущуюся, на которой часы, по Эйнштейну, должны отставать. То же самое должно констатировать наблюдатель второй системы В относительно часовъ убѣгающей отъ него въ противоположную сторону системы А. Это теоретически. Но на самомъ дѣлѣ, при свѣркѣ вновь собранныхъ въ одно мѣсто часовъ, оказывается, что одни часы отстаютъ, а другіе идутъ впередъ, и наблюдатели приходятъ къ различнымъ практическимъ результатамъ, несмотря на то, что теоретически они оба должны были бы констатировать одно и то же. Вотъ на этой то *reciprocité interchangeable* и базируется Бергсонъ, объявляя практическіе результаты теоріи Einstein'a математической фикціей, а теоретическое согласіе наблюдателей единой воспринимаемой «реальностью». Бергсонъ забываетъ одно, что, говоря о взаимной воз-

возможности подмѣны одной системы движенія другой, то иммобилизуя искусственно систему движенія, то пуская ее въ ходъ, онъ тѣмъ самымъ изъ специальной теоріи относительности, которой почти исключительно посвящена его книжка, переходитъ въ общую теорію относительности, гдѣ дѣйствуютъ иные принципы (Kovarianz) и гдѣ примѣняются новые факторы въ видѣ ускоренія. Тамъ практическіе результаты вполне совпадаютъ съ теоретическими, потому что теорія у Эйнштейна служитъ практикѣ, а не наоборотъ, и высшее оправданіе теоріи даютъ факты, поддающіеся наблюденію, въ какую бы парадоксальную форму эти факты ни выливались. Конечно, философъ этимъ способомъ опытной провѣрки не обладаетъ, онъ его замѣняетъ привилегіей быть сразу повсюду, — недаромъ, по Бергсоу, задача метафизики сводится къ интегрированію дифференцированнаго научнаго опыта, — по тутъ то и возникаетъ опасность быть вездѣ и не быть нигдѣ. Бергсонъ широко пользуется этой привилегіей и создаетъ своимъ единымъ временемъ переживаній (*un temps réel compris, durée vécue*), своимъ принципомъ взаимной подстановки какъ разъ философію обманчивыхъ перспективъ, иллюзорныхъ «реальностей», противъ которыхъ онъ такъ упорно борется.

Когда то Бергсонъ отличалъ однородное математическое время научнопрактической дѣятельности нашего интеллекта, — какъ бы проецированное въ пространство четвертое его измѣреніе — отъ дѣйствительнаго многообразія качественныхъ длительностей нашихъ душевныхъ переживаній. Теперь онъ признаетъ множественность за математическими временами-фикціями и съ тѣмъ большей силой настаиваетъ на «реальности» единаго общаго для всѣхъ времени переживаній, прожитой длительности.

У Эйнштейна произошелъ обратный процессъ. *Tempus absolutum, verum et mathematicum* Ньютона играетъ для него роль мертвой схемы классической механики. Она одухотворяется, приобретаетъ многогранный обликъ, когда становится временемъ физическихъ событій-переживаній, четвертымъ измѣреніемъ пространства. До Эйнштейна мы оперировали съ условными схемами-понятіями аксиоматической геометріи. Эйнштейнъ вошелъ въ эти схемы многообразное содержаніе наблюдаемыхъ фактовъ-переживаній. И въ то время какъ Бергсонъ обѣднилъ свою гениальную интуицію молодыхъ годовъ — чистую длительность переживаній человѣческой души тѣмъ, что свелъ ее постепенно къ идеѣ движенія, Эйнштейнъ разбилъ рамки прямолинейной логики эвклидовой геометріи. Математическія истины приобретаютъ у него характеръ служебныхъ истинъ, созданныхъ ad hoc творческимъ гениемъ человѣка. . . «Поскольку положенія математики относятся къ дѣйствительности,

они не достовѣрны (*nicht sicher*), а поскольку они достовѣрны, они не имѣютъ отношенія къ дѣйствительности» (*Geometrie und Erfahrung*. Berlin, 1921, S. 3-4.) Но болѣе того: вмѣстѣ съ Минковскимъ Эйнштейнъ разбилъ единство математическаго времени, витающаго въ видѣ какого-то фантома, самостоятельнаго абсолюта надъ пространствомъ трехъ размѣреній и замѣнилъ его многообразіемъ времени физическихъ событій-переживаній, и такъ какъ, въ концѣ концовъ, всё процессы въ крови, нервной системѣ сводятся къ периодическимъ колебаніямъ, т. е. къ движенію, то Эйнштейнъ допускаетъ возможность неодновременнаго старѣнія. (См. R. Lämmel. *Die Grundlagen der Relativitätstheorie*. Verlag von J. Springer in Berlin, 1921, S. 85) Бергсонъ, какъ будто принимающая теорію относительности цѣликомъ, старается изъ нея вытравить все необычное, которымъ она такъ рѣзко порываетъ съ укоренившимися привычками научнаго мысленія. Многообразіе времени физическихъ событій-переживаній замѣняется единымъ «дѣйствительнымъ» временемъ воспріятія, и желѣзная необходимость неизмѣнныхъ законовъ природы, извращенная обманчивой перспективой научной устанавки съ ея «иллюзорными» констатированіями неодновременности показаній часовъ на различныхъ системахъ движенія, съ ея «иллюзорной» относительностью одновременности, превращающей прошедшее для одного наблюдателя въ будущее для другого, возстановливается въ своихъ правахъ единствомъ воспріятія, — я бы сказалъ, — новаго абсолютнаго начала, царящаго во всёхъ мірахъ вселенной. Имя этому началу старое: чистая длительность, но это уже не длительность неповторяющихся душевныхъ переживаній, а своего рода движеніе «въ себѣ», переживаемое и вещами, и «сознаніемъ вообще». Происходитъ и полнѣйшая *restitutio in integrum* оскорбленнаго здраваго смысла. Все парадоксальное, забравшееся въ науку благодаря теоріи относительности Эйнштейна, выметается философскимъ началомъ, царящимъ въ своей неизмѣнности и общеобязательности во всёхъ мірахъ. Иллюзорны, фиктивны наши научныя концепціи времени, но дѣйствительны и общеобязательны наши переживанія, воспріятія времени, отмѣряемаго на единыхъ, видимыхъ всёмъ наблюдателямъ — съ какой бы то ни было системы — часахъ, освѣщенныхъ единствомъ «сознанія вообще».

Когда читаешь страницы новаго произведенія Бергсона, посвященные хотя бы нигуиціи одновременности, гдѣ чистыя обывательскими доводами и приемами старомодной діалектики, возлагающей на противника *opus probandi*, доказывається, что здравый смыслъ по прежнему правъ, когда полагается на показанія своихъ часовъ, то становится жаль молодого Бергсона. Сквозь закорстѣвшую догму

морщинистаго стараго лица проглядываетъ съ трудомъ улыбка вности, когда Бергсонъ еще не цѣликомъ принесъ въ жертву живую трепещущую многообразную длительность субъективныхъ переживаній всеобъемлющей идеѣ движения. И выходитъ, что чело-вѣкъ науки Эйнштейнъ борется какъ будто за многообразіе философскаго опыта, а Бергсонъ за пересадку единой, всеспасающей научной догмы въ область философіи.

Отчего же это даже самые смѣлые люди такъ хлопочуть о единствѣ бездушнаго связующаго начала? Отчего имъ легче дышется въ космосѣ придуманныхъ ими прочныхъ категорій, чѣмъ въ хаосѣ подлинныхъ переживаній? «Для опредѣленія времени (въ общей теоріи относительности) служатъ часы съ любымъ, хотя бы и самымъ неправильнымъ ходомъ механизма». (*Ueber die spezielle und die allgemeine Relativitätstheorie. Sammlung Vieweg. 1921. Zwölfte Auflage. S. 67.*)

The time is out of joint! Съ этимъ Бергсонъ никакъ не можетъ примириться: онъ посылаетъ свое единое начало для водворенія порядка и хлопочетъ изо всѣхъ силъ, чтобы хоть въ сферѣ воспріятія связать распавшуюся связь времени, пусть это будетъ даже астрономическое время. Вѣдь земное время и по Эйнштейну не выбито изъ колеи, и обыватели могутъ попрежнему спокойно спать, полагаясь на показанія своихъ часовъ: они ихъ не обманутъ!—надо зацѣпиться только добросовѣтнымъ часовщикомъ, который «ясно и отчетливо» знаетъ бы свое дѣло. И если Богъ, по Декарту, не можетъ быть обманщикомъ, то хорошій часовщикъ ужъ и подавно. Въ этомъ отношеніи здравый смыслъ и съ нимъ Бергсонъ совершенно правъ. Но Бергсонъ абсолютно не правъ, когда называетъ Эйнштейна продолжателемъ дѣла Декарта. Нѣтъ, гениальный ученый — послѣдователь Юма и не того Юма, котораго Husserl назвалъ бы въ пылу «догматическаго» раздраженія наглým скептикомъ, а того великаго философа, который пробуждаетъ отъ догматической дремоты и заставляетъ насъ переосмотрѣть наши тѣлныя идеальныя сущности.

Г. Ловцій.